

Лу Юньчжэнь заметил, что большая часть фотографий была сделана тайком! Разные выражения лиц, разные позы, и среди них одна фотография, на которой он только что вышел из ванной, с особенно яркой улыбкой... Ее даже увеличили и положили у изголовья кровати, и уголки снимка уже истерлись.

— Что за черт?!

Он поспешно позвал Мо Чанкуна, который резал мясо на кухне, и встревоженно спросил:

— Почему ты развесил мои фотографии?

Мо Чанкун недоумевал:

— А разве нельзя?

Он проверил соответствующие законы и убедился, что фотографировать своего учителя и вешать его снимки у себя в комнате совершенно законно! Когда они жили на улице Даньмэй, он видел, что у многих в домах тоже висели фотографии, особенно внуков, и они занимали целую стену.

Однако этот фотоаппарат он купил втайне, шантажируя Ху Суя, увидев рекламу, и вдобавок приобрел кучу фотобумаги, самая лучшая модель для домашнего использования, очень дорогая... Такое поведение неподобающее, даже расточительное...

Мо Чанкун почувствовал себя немного виноватым, украдкой взглянул на шизуна, заметил, что его выражение лица было спокойным, и, отведя глаза, тихо пробормотал:

— Шизун, я был неправ...

Эти слова прозвучали так, что Лу Юньчжэнь чуть не потерял сознание. Он читал в интернете о подобных ситуациях, это всегда связано с психологическими проблемами... И часто такие проблемы связаны с романтическим интересом к изображенному на фотографиях человеку, что характерно для преследователей или фанатиков.

Еще хуже было то, что после того странного сна у него остались последствия. Он еще несколько раз видел похожие сны, которые заставили его осознать, что такое настоящий талант.

Если бы только это были простые сны, но Мо Чанкун в этих снах был особенно жесток. Это не проявлялось в физическом насилии, а скорее в том, что он принуждал его делать стыдные вещи, произносить постыдные слова, например, честно ответить, почему его тело реагирует на мужчину, или пригласить повторить опыт. Отказ и ложь карались суровым «наказанием». Каждый раз Лу Юньчжэнь доходил до крайней точки стыда и отчаяния, лицо становилось

пунцовым от смущения, он отчаянно сопротивлялся, но в конце концов приходилось сталкиваться с реальностью, и почти со слезами на глазах признавать, что его тело действительно реагирует. Только после этого его отпускали...

Нельзя об этом думать. Еще немного, и он сам сведет счеты с жизнью.

Это всего лишь сны, это всего лишь сны, это всего лишь сны...

Мо Чанкун во сне совсем не такой, как тот, что стоит перед ним. С виду он выглядит круто и привлекательно, с опасной аурой, но на самом деле его характер прост, и большинство его эмоций отражается на лице. Он точно не тот, кто «предаст своего учителя и родину»...

Лу Юньчжэнь глубоко вздохнул, стараясь успокоиться и обдумать текущую ситуацию. В современном обществе люди относятся с терпимостью к романтическим отношениям между взрослыми учениками и учителями или к вопросам ориентации. В новостях можно встретить всякие странные истории. Лу Юньчжэнь уже видел такие сны, и, похоже, он не испытывал особого отвращения к мысли о романе с мужчиной, за исключением того, что ему не нравилась идея оказаться внизу, теряя контроль над ситуацией.

Если... Мо Чанкун втайне его любит, настолько, что это перешло в патологию, а у него нет партнера, то, может быть, стоит пойти на уступки... Но разве это не будет нарушением учительской этики?

Цзин Юну как-то говорил: «Гора не повернется — дорога повернет». Они оба мужчины, и если он боится потери контроля от пассивной роли, то ведь может быть и активной стороной! Да, отношения обязательно должны иметь свои условия, и учитель, конечно, должен быть ведущим!

Эх, это так неловко...

Как же ему намекнуть Мо Чанкуну?

В душе Лу Юньчжэня бушевала буря мыслей, он хмурился от тревоги, а смущение было таким сильным, что уши пылали. Хорошо, что в последнее время он не стригся — длинные волосы скрывали покраснение, и никто этого не заметил.

Он долго размышлял, а затем, запинаясь, сказал:

- Сначала собери все фотографии. Развешанные повсюду, они могут вызвать недоразумения, если кто-то их увидит.

Мо Чанкун был в замешательстве:

- Какие недоразумения?

Его поведение было совершенно открытым, ничто в нем не напоминало поведение скрытого влюбленного, но вот эти фотографии, наклеенные на потолок, и снимки, которые он часто просматривал у кровати после душа, все же выглядели подозрительно.

Лу Юньчжэнь не знал, что ответить.

- Фотографии? Это проблема? — Мо Чанкун наконец-то понял, что беспокоит шизуна, и объяснил, - Всем нравятся фотографии шизуна. У А-Суя и Цзиньняня тоже есть, они даже носят их с собой.

Лу Юньчжэнь так напугало это откровение, что ноги у него подкосились, и он опустился на стул:

- Все... все так делают?

В комнатах каждого ученика развешаны его фотографии?! Неужели это традиция Пика Уцзянь?

Мо Чанкун кивнул:

- Да.

Ху Суй выбрал фотографию с самой сияющей улыбкой и положил ее в кошелек, назвав ее своим счастливым талисманом. Он даже отправил несколько серьезных фотографий шизуна Хэ Цзиньняню, чтобы тот оформил их в рамку и заменил портрет, перед которым ежедневно молился. Хотя тот портрет был создан лучшим художником в мире бессмертных, он все же был нарисован по воображению и не мог передать истинную сущность шизуна... Однако Хэ Цзиньнянь так дорожил этим портретом, что носил его с собой повсюду, и, как только получил фотографии, немедленно заменил ими свой молитвенный образ.

Эти детали Мо Чанкун решил не упоминать, видя, что шизун и так был потрясен...

Лу Юньчжэнь был ошеломлен. Он потерял память и ничего не знал о происходящем. Лишь после смерти он сможет попасть в Подземный мир и снять печать с воспоминаний, чтобы все узнать...

Мо Чанкун снова объяснил:

- Не переживай, я не сделаю шизуну ничего плохого.

Раньше он мог безразлично поглощать и не уважать, поддаваться своим внутренним демонам, но теперь он хорошо научился контролировать себя. Даже если шизун выйдет из ванны, не надев рубашку, и пройдет перед ним, соблазнительно улыбаясь, он сможет удержаться, приняв это за иллюзию сердечного демона, и не тронет его. Максимум, что он может сделать, — это тайно сфотографировать и сохранить снимок, чтобы позже успокоить свою жажду...

У него даже нет намерений нанести какой-либо реальный вред, цепи не срабатывают, он прекрасно себя контролирует и доволен своим прогрессом, хотя, к сожалению, не может поделиться этим с шизуном и получить похвалу.

- В мире демонов... это нормально? — Лу Юньчжэнь, указав на фотографии, спросил с недоверием, - Вы все собираете такие вещи?

- Да, — кивнул Мо Чанкун. У многих демонов есть увлечения коллекционированием. Ху Суй, например, коллекционирует дома. Говорят, что один древний бог, который стал фениксом, любил собирать красивые камни — еще более странное хобби.

Лу Юньчжэнь осознал, что неправильно понял намерения ученика, и, испытывая неловкость, попытался исправить ситуацию:

- Да, Чанкун просто собирает фотографии, он не преследует кого-либо...

В интернете пишут, что одержимые патологической любовью могут сопровождаться неконтролируемым преследованием или ограничением действий другого человека, но Мо Чанкун никогда не делал ничего подобного. Куда бы ни отправился его учитель, чем бы ни занимался, Мо Чанкун всегда был готов его защищать, присматривать за домом, купить яйца, если потребуется, и все это с полной свободой выбора...

- Почему я должен тебя преследовать? — удивленно спросил Мо Чанкун, - На теле шизуна есть мой отпечаток. В пределах Хайпина я всегда знаю, где ты находишься. Если ты выйдешь за пределы этой области или случится что-то непредвиденное, я моментально окажусь рядом.

Лу Юньчжэнь внезапно замер, ощутив, что в этом что-то не так!

Мо Чанкун наконец заметил его беспокойство, осознав, что способ мышления людей может отличаться от его собственного, и что его мысли могли быть раскрыты. Он попытался исправить ситуацию:

- Я не люблю мужчин.

Лу Юньчжэнь напряженно кивнул:

- Ох...

- В Чистилище шизун умер на моих руках, и мне было очень тяжело справиться с чувством утраты, - Мо Чанкун с тревогой вспоминал ту сцену, ощущение того, что ничего не может удержать в своих руках, было слишком пугающим. Он жаждал привязать шизуна к себе, чтобы быть с ним день и ночь, но понимал, что такое поведение будет неправильным, оно напугает шизуна. Поэтому он заменил это фотографиями, а наличие метки, хоть и неуместной, позволяющей контролировать местонахождение шизуна, успокаивало его.

Изначально он планировал снять метку и поставить новую, отслеживающую, но потом Ху Суй лишь изменил ее энергию, оставив метку, что придавало ему еще больше покоя.□□

Мо Чанкун с грустью произнес:

- Шизун, я боюсь потерять тебя...

Сердце Лу Юньчжэня мгновенно смягчилось. Он поставил себя на место ученика: тот так долго сидел в одиночестве в тюрьме, скучая по шизуну, и, не понимая человеческого мышления, сделал несколько фотографий на память, поставил метку, чтобы контролировать его местоположение — разве это чрезмерная защита?

Конечно же, нет!

Неправильно было подозревать, полагать худшее, предаваться позорным фантазиям и думать, что его плохой ученик, страдая от патологических наклонностей, будет покушаться на его тело!

Эти подозрения огорчили Мо Чанкуна!

Шизун был неправ...

- Ничего страшного, хочешь фотографировать — фотографируй, просто удаляй те, что выйдут слишком некрасивыми, - Лу Юньчжэнь, как добрый шизун, который осознал свою ошибку, протянул руку и обнял Мо Чанкуна, опустившего голову, и, нежно поглаживая его по голове, мягко сказал, - Я всегда буду рядом, не оставлю тебя, не бойся.

На нем была старая домашняя одежда, воротник которой был особенно широким.

Мо Чанкун покорно прижался к шее своего шизуна, вдыхая легкий аромат геля для душа, который завораживал. Он облилизал пересохшие губы, осторожно протянул руку, стремясь обнять то, что так долго желал... Но тут боль в запястье заставила его снова сдерживать внутреннего демона, и вместо крепкого объятия он мягко приобнял шизуна и тут же ослабил хватку, не позволяя себе ни на шаг перейти черту.

Лу Юньчжэнь потрепал волосы своего ученика и велел ему снять собранные фотографии,

положить их в коробку и спрятать в пространственном мешке, чтобы можно было достать и посмотреть их позже.

- Хорошо, — покорно ответил Мо Чанкун, - А можно я покрою постель фотографиями шизуна? Или напечатаю их на простынях...

Лу Юньчжэнь застыл:

- Ни в коем случае!

У людей, помимо законов, есть еще множество странных правил — то нельзя, это нельзя, особенно странно. Мо Чанкун испытал небольшое сожаление, но подчинился.

Лу Юньчжэнь помог ему собирать фотографии, когда вдруг случайно задел экран телефона Мо Чанкуна. Мо Чанкун, который долгие годы занимался фехтованием, имел руки, покрытые мозолями, и из-за этого его отпечатки пальцев плохо распознавались. Ему было лень вводить пароль, поэтому он не устанавливал блокировку на телефоне.

Телефон сразу включился... На экране была видна какая-то новелла, размещенная на форуме для любителей фанфиков, с продолжением. Лу Юньчжэнь мельком взглянул на заголовок, который, кажется, назывался «Один день в качестве учителя», автор - Нянь Ся Жо Сян. Он бегло прочитал первые строки: «Учитель находился в затворничестве, когда внезапно сработал яд, и он впал в состояние дьявольского безумия. Ученик, заботясь о благополучии своего наставника, пришел к нему, чтобы навестить и обнаружил его в таком состоянии».

Лу Юньчжэнь внутренне ликовал: «Мой ученик такой хороший, всегда думает, как бы угодить учителю. Надо будет найти эту книгу и внимательно изучить, как там наставник действует, чтобы не упустить преданность моего ученика...»

Они вдвоем закончили уборку комнаты.

Вдруг Ху Суй прислал плохие новости:

«Шизун, кажется, старший брат Цзиньян скоро приедет!»

Лу Юньчжэнь встревожился. Он поспешно попросил Мо Чанкуна вынести только что собранный мусор и съездить на сельский рынок купить свежие овощи и фрукты — Хэ Цзиньян был вегетарианцем и не ел мяса.

Теперь за покупками всегда ходил Мо Чанкун. У него была аура главы преступного мира, и когда он сурово смотрел на продавцов, они испытывали такой страх, что не осмеливались обманывать его ни на вес, ни на качестве продуктов.

Лу Юньчжэнь остался в старом дворе. Он был обеспокоен и решил еще раз тщательно вычистить двор, чтобы, когда Хэ Цзиньнян войдет, окружающая обстановка не вызвала неприязнь его маниакальной чистоплотности.

Внезапно раздался звонок в дверь.

У Цзин Юну были ключи, а Мо Чанкун и Ху Суй никогда не пользовались дверью, предпочитая перелезть через стену. Лу Юньчжэнь бросил метлу и побежал к двери, крадучись заглянул в глазок...

За дверью стоял средних лет мечник в даосском облачении, с мечом на поясе и даосским пучком на голове. Его лицо было заурядным: узкие глаза, одинарные веки, густые брови, тонкие губы, выражение жестокое... Весь его вид излучал гнев и решимость, как будто он пришел взыскивать долг.

Конец, конец...

Это настоящая поза «предупреждения о смерти».

.....

В облаках медленно парили две великолепные бессмертные птицы, волоча за собой колесницу с жемчужной занавесью, украшенную небесными сокровищами, которая остановилась на крыше небоскреба. За занавесками сидел мужчина в ярко-желтом шелковом одеянии, с аккуратными собранными волосами, без единого выбившегося волоска, в короне из восьми драгоценных камней, с нефритовым поясом, каждый его жест был пропитан благородством.

На золотом жертвенном столе, окутанном ароматным дымом благовоний, стояла фотография юноши в стеклянной рамке. Юноша был изображен с опущенной головой, его брови были нахмурены, в глазах отражалась вся тяжесть страданий простого народа, и его внутренний мир был наполнен борьбой и сложными решениями.

Во время полета фотография накренилась на один процент влево.

Мужчина поправил ее и заново вставил три благовонные палочки.

Он опустил свои длинные глаза феникса и с абсолютной серьезностью, изучая мобильный телефон, медленно, аккуратно вводил текст, по одному слову, используя рукописный ввод:

«А-Суй, я уже прибыл в мир людей».

«Как дела у шизуна и старшего брата?»

«Ты говорил что-нибудь плохое обо мне шизуну?»

«...»

<http://bllate.org/book/13607/1206739>